

СЕРГЕЙ ОСТАШКО

Впечатления
обетованные

Первые впечатления о стране обычно самые сильные. Именно такими впечатлениями об Израиле поделился одесский журналист, а по совместительству физик и КВН-щик Сергей Осташко. И в его путевом дневнике удачно переплелись оптимистическая ирония настоящего одессита, точность наблюдений естествоиспытателя и отточенность КВНовской репризы.

Книга будет интересна даже людям, изъездившим эту страну вдоль и поперек, а также самим израильтянам, так как маршрут автора частично проходил по местам, где обыкновенные туристы не ездят. Только паломники.

Сергей Осташко

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОБЕТОВАННЫЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: В СТРАНУ ВСЕХ РЕЛИГИЙ

Строго говоря, насчет «всех религий» я преувеличил. Говорят, что ни Сварог, ни Будда, ни верховный бог народа майя Унаба на Святой Земле не были. Хотя, если как следует покопаться в этой самой святой земле, не исключено, что найдутся следы пребывания в ней и первого, и второго, и даже третьего.

Стыдно признаться, но дожив до своих лет, я так и не собрался побывать в Израиле. То не было денег, то отпугивала возня с получением визы, то находились более важные дела. И вот, наконец, оказия!

Уже несколько лет, в сентябре, на еврейский новый год Рош а-Шана тысячи паломников-хасидов едут из Израиля в украинский городок Умань помолиться на могиле своего святого — цадика Нахмана Рабби Брацлавского. До Одессы они летят, понятно, самолетами, причем не рейсовыми, а чартерными, а через неделю отправляются назад. И чтобы не гонять авиацию порожняком, предприимчивые одесситы решили организовать

встречный поток туристов. Причем по смешным ценам — 230 долларов США туда-обратно. Как до пол-Москвы!

О том, что готовится такое путешествие, я узнал еще в июле. В начале сентября поинтересовался, есть ли еще места, и с удивлением узнал, что «да, но только нужно быстро».

Деньги, которые пришлось одолжить, я внес, даже не поставив в известность жену. Причем и о том, что я их внес, и о том, что их пришлось одолжить. Потом появились сомнения. Самолет берет на борт человек 200. Неужели их нельзя было набрать за два месяца? А с другой стороны, $200 \times 230 = 4600$ долларов США. А если насобирать деньги не на один, а на 10 самолетов — это уже 46 тысяч. А если на 100? Это уже полмиллиона. А с такими деньгами можно рискнуть и, улетев первым же рейсом, затеряться на земном шарике.

К счастью, мои расчеты не оправдались, и 25 сентября группа «антипаломников», состоящая на 40 процентов из знакомых, начала собираться у одесского аэропорта. Позже я узнал, что в этом году в Умань приехали 20 тысяч хасидов (а это как раз сто самолетов), так что мои опасения были не напрасны.

Самолет с хасидами уже сел, и вскоре из здания аэропорта донеслись звуки песнопений. Пели, на удивление, на русском языке. Заглянув

внутри, я убедился, что поют наши, возглавляемые чисто православным батюшкой. Очевидно, паломнические группы формировались обоюдно по принципу «вы к нам — мы к вам».

Улетали с приключениями. Вначале час сидели в самолете с выключенным кондиционером. Я уже было предположил, что это для более легкой акклиматизации на хоть и святой, но жаркой земле. Но выяснилось, что это просто Турция не давала коридор для пролета над своей территорией какого-то сомнительного чартерного рейса. Тут своих, рейсовых, сажать не успеваешь.

Задержка повторилась над Тель-Авивом, когда самолет сорок минут описывал круги над утонувшим в огнях городом, как бы предоставляя своим пассажирам возможность налюбоваться его ночной прелестью.

— Тель-Авив — это ночной город, — наставлял меня мой одесский друг, который много раз бывал в Израиле, — по нему нужно гулять ночью и можно аж до утра.

К сожалению, мне так и не удалось выполнить это наставление, и ночной Тель-Авив я видел только с борта самолета. Но и он произвел впечатление. Также как и главный аэропорт страны Бен-Гурион — в основном размахом своих коридоров, переходов и движущихся дорожек, которые нетерпеливые пассажиры с легкостью

обгоняли. А вот обещанные многочисленными «доброжелателями» «драконовские меры» личного досмотра при въезде в Израиль не произвели вообще никакого впечатления, потому что их попросту не было. Быстрый и деловой паспортный контроль, где к девочке за стойкой можно подходить целыми семьями (попробовали бы вы в аэропорту Домодедово заступить за красную черту хоть на полшага). Затем просвечивание чемоданов и «рамка», перед которой максимум что предлагают, так это выложить все из карманов и снять пояс.

ДЕНЬ НУЛЕВОЙ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 25 СЕНТЯБРЯ

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Если в самолете все летели дружной компанией, то после приземления компания распалась. У всех нашлись родственники в Израиле, которые с радостью жаждали воссоединить семьи. И эта радость была тем большей, что обе стороны понимали, что воссоединение происходит всего на неделю.

Мне воссоединяться было не с кем. Как я с гордостью всегда писал в советских анкетах:

«Родственников за границей не имею». «Осташко, как так может быть, что у тебя и нет родных в Израиле?», — спрашивали меня. И приходилось рассказывать две мои любимые истории по поводу соответствия моей внешности и национальности (таки нет!).

Должен пояснить, что величина моего носа является предметом зависти нескольких поколений одесских раввинов. Именно за него мои предки по материнской линии получили фамилию Вороновы. И именно из-за этого фамильного носа мою маму однажды пригласили сниматься в фильме «Как это делается в Одессе» в качестве обитательницы еврейской богадельни.

Оба случая, кстати, произошли хоть и достаточно давно — в начале 2000-х, но как раз в канун Рош а-Шана.

В Одессе тогда только что сменился раввин. Вместо Ишай Гиссера прислали Шломо Бакшта. С Шаем мы поддерживали дружеские отношения после того, как я осветил в газете «Моряк», где работал, праздник Пурим. Как оказалось, это был первый в истории случай, когда в советской прессе рассказали об этом еврейском празднике. Но сейчас не об этом.

Итак, Шая уехал, Шломо приехал. И звонит мне Лена Каракина из Литературного музея и спрашивает:

— Осташко, тут Шломо решил выпускать русскоязычную еврейскую газету. Ты бы смог ее редактировать?

— Редактировать я ее, конечно бы, смог, — отвечаю, — но если Шае было все равно, то, насколько мне известно, Шломо не так лояльно относится к представителям нетитульной одесской национальности.

В трубке повисает минутная пауза, после чего с надрывом звучит сакраментальный вопрос: «Осташко, ты что — не еврей?!»

После чего минут десять Лена убеждает меня, что я таки да еврей, и только аргумент: «Ленка, посуди сама. Если бы я был евреем, сидел бы я еще в этой стране?» как-то примиряет ее с фактом.

Буквально через несколько дней произошел второй случай. В конце сентября я бегу по Дерибасовской и сильно куда-то спешу. Откуда-то сбоку ко мне подскакивает рыженький гражданин и всовывает мне в руки бумажку. Краем глаза вижу, что это приглашение на празднование еврейского нового года. Вспоминаю, как меня учил отвечать в таких случаях Шая — «Шана това у метука», отвечаю и бегу дальше, потому что сильно спешу. Рыжий сначала, вроде, слегка опешил, потом быстро оклемался, догнал меня, пристроился сбоку и на бегу спрашивает:

— Простите, пожалуйста, вы еврей?

— Нет!

— Почему???

Разумного ответа на это вопрос я не могу найти до сих пор.

Впрочем, пора вернуться на землю, хоть и не мне, но все-таки обетованную.

В связи с отсутствием прямых родственников наш визит в Израиль, кроме чисто познавательного-паломнических интересов, преследовал две цели. Во-первых, увидеть как можно больше друзей и, во-вторых, чтобы те друзья, которых повидать не удалось, не дай Бог не узнали, что мы приезжали.

С самого начала за честь встретить в аэропорту чету Осташко разгорелась настоящая борьба. Первым сошел с дистанции Игорь Борц из Нетании (Донецк), который в течение нескольких лет бомбардировал меня письмами: «Ты только найди деньги на билеты, а дальше — мои заботы». Оказалось, что в эти же дни к нему приезжает одновременно его последняя жена и теща по первой жене. Так что свою квартиру он отдал на растерзание первой теще, а сам с женой был вынужден ютиться по знакомым. Чтобы компенсировать наши неудобства, Игорь обязался показать страну, чем я тут же воспользовался, предложив ему свозить нас на Мертвое море.

Другие друзья, тоже из Нетании — Володя и

Таня Шинкаревские — во время предварительных переговоров находились в кризисе, но сообщили через общих знакомых, что сразу после возвращения нас ждет их радушие и полутораспальная кровать в детской комнате рядом с ванной. К слову сказать, в один из дней мы с удовольствием воспользовались и их радушием, и полутораспальной кроватью, и даже ванной. (См. ниже)

Третьи друзья были готовы предоставить в наше распоряжение целую гостевую комнату, но честно предупредили, что в связи с празднованиями Рош а-Шана с вечера четверга по конец субботы они за руль не садятся. А чтобы нам не было скучно, готовы на эти два дня закупить кучу экскурсий.

Но всех на последних метрах обошел Лёня Тульчинский, который не только категорически заявил, что будет нас встречать, но и взял на работе отгул на следующий день, чтобы повозить нас по окрестностям Тель-Авива.

С Лёней мы познакомились в Клубе Веселых Встреч (КВВ) при Одесском объединении молодежных клубов (ОМК). Это уникальное образование, кстати, первое в СССР, в 80-х объединило практически все самодеятельные творческие силы города. Достаточно сказать, что из КВВ вышли комик-труппа «Маски», создатели

журнала видеокомиксов «Каламбур», авторы телепередачи «Городок», многие известные сегодня актеры, режиссеры, продюсеры и сценаристы...

Я был в КВВ руководителем авторской секции, а Тульчинский — создателем и вдохновителем чудесного ансамбля «Большой секрет». Ансамбль блистал на всех одесских Юморинах и далеко за пределами родного города вплоть до отъезда Лёни в Израиль. Ребята работали в жанре так называемой «зримой песни». Каждый номер был фактически отдельным иронично-юмористическим спектаклем, написанным, срежиссированным и разыгранным силами трех человек, каждый из которых еще и, как говорят в Одессе, «немножечко шил», то есть прекрасно играл на каком-то инструменте.

Именно Леонид Тульчинский создал лучшую, на мой взгляд, песню об Одессе.

ОДЕССА

**Слова Анатолия Гланца, музыка Леонида
Тульчинского.**

Это странно, что
выпав из лапы стресса,
Окунает в море лицо
Одесса,
Ибо где нету выхода

для печали,
Там ошибка в
начале.

Это солнце всегда,
над любым сараем,
Старый кран, где мы
бреемся и стираем.
Это город, который
восторг и выдох,
Это блики на
рыбах...

Это двор с
голубятней, где на канате
Голубой купальник
студентки Кати,
Это шкварки и
смалец дощатых лестниц
И похабные песни...

Пара нищих старух,
чистый профиль женский
Возле входа в собор
по Преображенской.
В майонезном небе
ажур балконов
И заправка сифонов.

Это лепка карнизов
под штукатуркой,
Повсеместная
страсть к полноте
желудка,
И при этом большой
интерес к диете...
Эти наглые дети...

Это то пространство,
которым с детства,
Терпеливо бредит во
мне Одесса,
Это то, на чём
выросли и отъелись,
Эта южная ересь.

Но зачем в это
главное время года
Так меняется резко в
лице природа?
Отчего на берег
сошёл моряк?
Разве что-то не так?

Истекающий
персиком лик Привоза,

К Перестройке
повсюду зовущий лозунг,
Магазин «Океан»
вместо свежей рыбы
И бетонные глыбы...

Этот город теперь
деловит и точен,
Он лоснится
довольством у всех
обочин.

Но всё реже
услышишь от раза к разу
Здесь одесскую
фразу.

Да, проходят годы,
желтеет пресса,
Но стареет в лужах
моя Одесса...

Чудо-город, который
давал всё сразу,
Помутился, как
разум.

Только стоит ли
сетовать и ругаться?
Сохраним это

счастье вдыхать акаций...
Пусть тебе ветерком
проскользнёт за ворот
Этот ласковый
город.

Полюби этот цвет
полусгнившей тины —
Море снова устроило
именины.
Эта спящая в нем
синей крови чаша
Манит головы
наши...

Леня потом рассказывал мне, как создавалась эта песня:

«Вначале, как водится, было слово. Вернее, слова... Вернее, стихи великолепного одесского поэта Анатолия Гланца. Я встретил его, когда вышел с работы на обед. Он сказал, что написал поэму «Одесса», тут же ее прочел. Я обалдел, забыл про обед и вообще про все. Мне страшно захотелось, чтобы это стало песней. Но поэма была длинновата, целых тридцать строф, то есть куплетов, а значит, нуждалась в переделке. Вначале Толя не хотел давать текст, но мне удалось его уговорить при условии, что все изменения будут с

ним согласованы. Я выбрал наиболее пронзительные, на мой взгляд, куплеты и строки, что-то сократил, переставил, показал Толе, и ему понравилось. А потом слова как бы сами собой рождали песню».

Честно говоря, в те годы мы с Тульчинским не были особенно близки, прятельствовали, с удовольствием бывали на концертах друг друга, обнимались при встрече, но семьями, как говорится, не дружили. И тем более было приятно почувствовать эту искреннюю радость и неподдельное радушие, с которым Лёня встречал нас в аэропорту и два дня из семи возился с нами на собственной машине. Скажу более того, моя жена Диночка буквально влюбилась в моего друга Тульчинского и теперь переписывается с ним автономно от меня.

Живет Лёня в Холоне, это неподалеку от аэропорта Бен-Гурион. Снимает с мамой небольшую квартиру: две небольшие комнаты и холл, совмещенный с кухней. Кстати, такая конфигурация в Израиле традиционна: будь это скромная квартирка в спальном районе Ашдода, престижные апартаменты в центре Ашкелона или свой дом в Нетании. А вот стоимость жилья зависит от района и достаточно высока.

— Мама, наверное, уже спит? — спросил я, когда мы ехали из аэропорта.

— Да ты что? Она сказала, что обязательно дождется одесситов, — ответил любящий сын.

Мама таки дождалась и выключила свет в своей комнатке только после того, как сын подтвердил: «Все хорошо, одесситы приехали. Спи!». А познакомились мы с чудной старушкой утром, когда она, аккуратно причесанная, вышла из своей комнатки и вынесла нам подарки: подробно записанные их домашний адрес, телефоны, информацию, как доехать до них из города, и... портативный ивритско-русский разговорник, чтобы мы, не дай Бог, не заблудились.

— Я так рада, что приехали одесситы, — сказала она. И тут же, пристально взглянув на мою Диночку, констатировала. — Ваша жена похожа на еврейку. Как ее зовут? Ну вот, что я говорила.

Первая ночь на Святой Земле прошла спокойно. Так же, кстати, как и все последующие. Нам не мешали ни доносящиеся с улицы звуки, ни шум заходящих на посадку самолетов, ни даже утренний крик на иврите, который Лёня перевел так: «Старые вещи берем!»

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ, ПОНЕДЕЛЬНИК, 26 СЕНТЯБРЯ

Наверное, есть множество вариантов, как

нужно начинать знакомство с Израилем. Но мне кажется, что тот, который выбрал Леня — самый лучший. Он повез нас в Старый Яффо.

ГОРОД УЗКИХ ЛЕСТНИЦ

Узкие лестнички, уводящие то вверх, то вниз. Улочки, из окон которых можно дать соседу в доме напротив прикурить или, в случае надобности, по морде. Неожиданные переходы, заканчивающиеся тупичками. Невидимые снизу веранды, уступами сбегаящие к Средиземному морю. Небольшая рощица мачт яхт. А с площади на самом верху этого нагромождения древности прекрасный вид на расположенный рядом Тель-Авив, давно слившийся с этим старинным городом, портом, крепостью, музеем. Таков вкратце современный город Яффо.

В древности этот город звали Ноя, который здесь построил свой ковчег. Где-то здесь Персей освобождал Андромеду. Отсюда отправился в путь пророк Иона (модель его средства передвижения — кит — стоит у подножья старого города). Захаживал сюда и Александр Македонский, высаживался с войсками Наполеон, а в более близкие времена именно отсюда началось возвращение евреев в Израиль.

Сейчас Яффо представляет собой один большой культурно-художественный центр. На

каждой лесенке, улочке, переходе и веранде — мастерская художника, картинная галерея, или, на худой конец, антикварный магазинчик. На подходах к городу — впечатляющий пример современного граффити. А внутри, на древних стенах, граффити попроще, но зато на русском языке (см. фото). И так хочется, следуя последней сделанной надписи, узнать: «Кто все эти люди?», позволяющие себе расписываться на древних стенах.

Чтобы обойти все культурно-художественные объекты, не хватит, наверное, и недели. Поэтому Лёня уверенно ведет нас в галерею, которую не посетить нельзя — в салон скульптур Франка Мейслера. Описывать эти металлические фигурки бессмысленно. Невозможно передать динамику каждой статичной особи. Да-да, именно особи, со своим характером и выражением лица. Это надо видеть. Вот скрипач, наигрывающий незатейливую мелодию. И хотя самой мелодии не слышно, глядя на этого скрипача, почему-то хочется пуститься в пляс. Вот замотанный менеджер за компьютером. И по выражению его лица понятно, что и компьютер, и телефонная трубка у уха, и разбросанные по столу бумаги, и вся фирма держится исключительно на его немощных коленях. А вот сидит сам Зигмунд Фрейд, обнимая предмет своих исследований — женский торс. А знаете, что у него в самом сердце?

Распахните жилетку и увидите.

Кстати, мне так и не удалось выяснить, имеет ли отношение к знаменитому городу Яффо знаменитый сок Jaffa. Леня в ответ на мой вопрос рассказал, что в 70-х-80-х годах, когда у СССР не было дипломатических отношений с Израилем, именно названием Jaffa маскировались израильские апельсины в советских магазинах. Но, честно говоря, в те редкие моменты, когда в те годы я видел апельсины в советских магазинах, мне было абсолютно все равно, как они называются. Так что если кто-то знает о связи между Яффо и Jaffa — дайте знать. И заодно сообщите адрес этой самой Jaffa, чтобы стребовать деньги за упоминание названия фирмы.

КИБУЦ ПОЧТИ НЕ ВИДЕН

И действительно, где советский человек, никогда не выезжавший в колхоз дальше Килийского района, мог видеть настоящий кибуц? И чтобы нам, пусть бывшим, но все же до мозга костей советским людям дать такую возможность, следующим пунктом назначения стал кибуц Пальмахим.

Пусть название вас не смущает. Ни к выращиванию пальм, ни к химической промышленности этот кибуц никакого отношения

не имеет. И если пальмы все же произрастают на его территории, то химией здесь и не пахнет.

Кибуц расположен на берегу моря. Раньше он занимался животноводством, выращивал коров, лошадей, что-то даже сеял. Но со временем люди, в основном выходцы из Европы, сообразили, что гораздо выгоднее использовать выгоды своего географического положения, чем уродоваться на поле. Теперь о былых занятиях израильского «колхоза» свидетельствуют только остатки конюшен и загонов для скота. Основное занятие сельчан в настоящее время — постройка и сдача в аренду коттеджей. Говорят, на выходные, а там кто проверит?

Но это еще не все. Уже в Одессе я узнал, что рядом с кибуцем расположен Израильский космодром Пальмахим. Так что местные жители, по всей видимости, еще немножечко шьют скафандры.

Впрочем, уклад жизни кибуцников остался прежний. Семьи живут в отдельных домах, рядом с которыми небольшой и обязательно захламленный дворик. Вся же остальная территория — зеленая, ухоженная, с разбросанными тут и там скульптурами местного ваятеля.

Питаются люди в общей столовой, куда посторонних допускают с большой неохотой. Желаящие могут готовить и дома, но зачем, если и так вкусно (во всяком случае, так утверждал Лёня,

которого однажды в качестве гостя покормили в аналогичной столовке другого кибуца), а хлопот никаких.

Все имеющиеся в кибуце дети до определенного возраста воспитываются в детском саду, располагающемся тут же. Судя по обилию игрушек во дворе садика, детей много, а судя по тишине, царящей на его территории — сейчас тихий час.

Правда, есть и изменения. Раньше несколько имеющихся в кибуце авто были собственностью общины, и чтобы воспользоваться ими в личных целях, приходилось писать заявление «председателю колхоза». Теперь же вполне современные авто стоят возле многих домов.

Пляж в кибуце, по утверждению министерства экологии Израиля, самый грязный в стране. Не видело то министерство нашей Лузановки. Однажды, закрывая купальный сезон, на одном квадратном метре пляжа я нашел четыре горлышка от стеклянных бутылок. А на «страшно замусоренном» пляже Пальмахим я нашел четыре обитаемые палатки, стоящие под песчаным обрывом, в аккурат под надписями «Осторожно, грозит обвалом!».

О ВКУСАХ СПОРЯТ

Еще в Одессе меня предупреждали: еда в Израиле вкусная, но не дешевая. Особенно в местах наибольшего скопления туристов. Нам повезло. Мы нашли дешевую, но не вкусную.

Изнутри 4-этажный торговый центр «Каньон», накормивший нас обедом, ничем не отличался от, допустим, одесской «Ривьеры». Такие же несколько этажей недешевых магазинчиков, такие же эскалаторы и лестницы, даже такие же афиши, привлекающие в находящийся здесь же кинотеатр. И такая же зона кафешек на любой вкус.

То, что названия кафешек были написаны на иврите, меня не смущало. Еще при полете к Тель-Авиву я сформулировал два преимущества этого языка. Во-первых, благодаря непривычным буквам абсолютно не раздражает то, что читать нужно справа налево. А во-вторых, незнакомая азбука начисто отбивает пагубную привычку наших туристов за рубежом изучать вывески на местном языке — все равно непонятно. Правда, уже в аэропорту выяснилось, что привычка отбита не полностью, так как большинство надписей дублируется на английском, арабском, а некоторые даже на русском. В частности, именно на русском прочел надпись:

Часы работы: Вс. — Чт.:
9.30–21.30

Пт.: 9.30–15.00

Сб.: полчаса после окончания
шаббата — 22.30.

Впрочем, я опять отвлекся. В многочисленных кафешках супермаркета меню мы не читали. Ни на иврите, ни на английском, ни на русском. Все блюда были наглядно представлены за стеклянными витринами. Диночка спикировала на итальянскую кухню. «Я очень люблю спагетти с соусом», — заявила она. Я макароны не люблю, поэтому вначале решил взять шмат мяса в соседнем заведении, но когда увидел, сколько этих самых спагетти и всяческих соусов навалили Диночке, понял, что ей придется помогать. Более того, чтобы опустошить этот поднос с именинами желудка, пришлось подключиться даже Лёне, который до этого утверждал, что кушать не хочет.

Втроем мы, хоть и с трудом, но все-таки уничтожили эту гору еды. Более того, оказалось, что все не так уж и невкусно, и под конец я с удовольствием вылизывал остатки соуса остатками арабской лепешки — питы.

Отвалившись от стола, мы поняли, что некоторое время достопримечательности воспринимать не сможем. Во всяком случае, пока не выпьем кофе. Его мы нашли этажом ниже и провели под кондиционером целый час,

совершенно забыв, что еще планировали в этот день искупаться в море в Ашдоде, где базировался еще один мой приятель и однокурсник Сэм Фишер.

Сэм полтора года назад купил яхту и теперь живет на ней. У него, единственного из всех наших друзей в Израиле, не было машины, и на работу в другой город он добирался на велосипеде. Услышав, что 25-го мы прилетаем, Сеня обрадовался и тут же пригласил нас на свадьбу дочери, которая была назначена на 26-е. Но мы с женой, посоветовавшись, решили, что из семи дней в стране один тратить на свадьбу, а второй — на похмелье нерационально, и благоразумно отказались.

НОЧНОЕ КУПАНИЕ

Когда мы вышли из гостеприимного супермаркета, уже темнело, причем так быстро, как это происходит только в южных странах. В яхт-клуб мы уже не поехали, а просто искупались на городском пляже.

Широченное пространство песка (по ширине, как шесть Аркадий) отделялось от вереницы многоэтажек широким шоссе, которое в районе пляжа образовывало большой «карман» для парковки, пустой в связи с вечерним временем. Пляж отличался от нашего одесского не только